

КОГДА СМЕЩАЮТСЯ АКЦЕНТЫ

Заметки о спектакле Аркадия Райкина «Время смеется»

ПИСАТЬ об Аркадии Райкине всегда радостно и всегда трудно. Радостно потому, что каждая новая встреча с ним приносит огромное эстетическое наслаждение, рождает множество мыслей и ощущений. А трудно... трудно потому, что, кажется, все самые хорошие слова в его адрес, самые высокие признания уже высказаны. И притом вполне заслуженно: артист он, действительно, как говаривали встарь, «божьей милостью».

К тому же на протяжении добрых двадцати лет мы не перестаем удивляться редкостной работоспособности артиста, его строжайшей профессиональной выскателности. Каждый спектакль Райкин играет с полной самоотдачей, играет так, словно именно сегодня, именно в этот вечер — премьеры его крошечного театра. Если существует на свете «секрет» вечной творческой молодости, то Райкин, бесспорно, владеет им. Минуют годы, да спектакли давно полюбившегося нам Ленинградского театра миниатюр уже ходит второе поколение зрителей, но посмотрите, как по-прежнему молод актер, которого всегда нетерпеливо ждет зрительный зал, как молниеносны и остры его знаменитые трансформации, сколь неиссякаем темперамент!

За видимой, почти импровизационной легкостью — не только большое дарование, но и большой труд. Два или три года назад мне довелось провести несколько часов за кулисами театра во время спектакля «Любовь и три апельсина». Трудно забыть впечатления того дня! Я хорошо знал и любил спектакль, рецензировал его, но может быть, только тогда, за пыльными кулисами старого театра эстрады на площади Маяковского, я воочию увидел, скольких трудов, внутренней собранности, нервов стоит Райкину один-единственный вечер. И примечательно, что, когда я опять, уже после памятного вечера, просмотрел знакомый спектакль из зрительного зала, меня снова поразила удивительная легкость и непринужденность актера. Напряженный труд, собранность, нервы — все это как-то удивительно переплавилось, переплотилося на моих глазах в предельно отточенное мастерство, в особое «райкинское» обаяние, в непогрешимую убедительность каждого его слова, каждого жеста...

Убедительность искусства Райкина, его эмоциональное воздействие на сердца и души людей, сидящих в зрительном зале, — всегда ли достаточно хорошо помнят об этом сам актер и литераторы, которые пишут для него репертуар? Не случается ли порой так, что дарование Райкина вступает вдруг в противоречие с содержанием той или иной миниатюры, и как результат происходит ошутимая перестановка, смещение акцентов, намеченных авторами литературного произведения?

СТОЛЬ СТРАННЫЕ, казалось бы, вопросы невольно возникают на последнем спектакле Ленинградского театра миниатюр «Время смеется». Спектакль, кстати, очень неровный и несколько непривычно для этого театра однообразный, одноплановый по своему звучанию.

Но прежде о перемещении акцентов. Более всего это ощущается, пожалуй, в миниатюре Гирияры (так подписывается, а некоторых пор молодые сатирики М. Гиндин, Г. Рябинин и К. Рыжов) «Нестандартное заявление».

Суть ее в следующем. Некий инвалид, которому мучительно трудно носить дрова на пятый этаж, написал заявление, где просит разрешения обменять его комнату на комнату в первом этаже. Случайно получается так, что за столиком кафе он встречается с незнакомым человеком, изъявившим желание помочь «отредактировать заявление». Впоследствии оказывается, что незнакомый человек (инвалид об этом так и не узнает) и есть то самое «должностное лицо» по фамилии Попугаев, от которого зависит решение вопроса.

Так что же происходит на сцене? В течение нескольких минут бюрократ Попугаев (его играет А. Райкин) очень весело и, я бы даже сказал, остроумно потешается над робким пришитленным человеком. Вначале он предлагает ему написать заявление «с юмором» («Из юмора я знаю только анекдот об армянском радио», — растерянно отвечает человек), затем — стихами, наконец — «со слезой». Придурковатый проситель все безоговорочно принимает, он такой нелепый, такой смешной, что где-то вдруг начинаешь с интересом, чуть ли не с благожелательным к нему отношением следить, как весело и смешно резвится Попугаев — Райкин, как мастерски «разыгрывает» он своего незадачливого собеседника.

Да, «розыгрыш» великолепен, и зрители от души смеются. Но разве об этом написали свою сатирическую миниатюру авторы? Или, может быть, они (а вместе с ними и актеры) хотели высмеять, обличить чиновничье бездушие Попугаева, его издевательское отношение к людям? Если это так (а это, по-видимому, именно так!), то, думается, что добрый замысел остался нереализованным.

Или другой пример — миниатюра тех же авторов «Фикция». Сюжет ее не нов на эстраде: любвеобильная мама никак не хочет, чтобы ее дочь, окончившая институт, была «распределена в Сибирь», и потому устраивает фиктивный брак. С помощью знакомых родители вызывают «жениха» из деревни — хитрого и наглого Гнашу, который готов «помочь людям!».

Заканчивается вся эта история весьма плачевно. Гнаша охотно распался со своей фиктивной супругой, но разводиться с ней и, следовательно, терять городскую прописку он не намерен. Более того, во вновь обретенную квартиру он привозит из деревни свою сожительницу «с дитем» — эдакую страхолюдину на кривых ногах и трех звероподобных старух — «мамочку», «мамочкину мамочку» и «мамочкиной мамочки мамочку». Нетрудно представить, какой хохот стоит в зрительном зале, когда

вся эта окарикатуренная донельзя орава (с козой, с фикусом в кадучке) вваливается в городскую квартиру!

Я не буду в данном случае касаться вопроса о том, насколько правомерно и тактично, даже в сатирическом спектакле, показывать людей из деревни в таком действительном и, повторяю, звероподобном обличье.

Дело в конечном итоге не в этом. Даже краткий пересказ «Фикции» позволяет сделать совершенно определенный вывод, что сатирические острые миниатюры направлено (или должно быть направлено) против тех неразумных и нечестных родителей, которые готовы пойти на любую махинацию, чтобы уберечь свое чадо от государственного распределения на работу. Так должно было быть, но ведь на сцене-то происходит совершенно иное!.. «Жених» Гнаша в исполнении А. Райкина настолько убедителен и отрицательно колоритен, «мамаево нашествие» раскрашенных монстров столь оглушительно, что вольно или невольно, но начинаешь испытывать сочувствие к семье инженера, на которую свалилась такая напасть. Осуждение нравов, царящих в этой семье, отодвигается куда-то на задний план: вниманием зрителей целиком овладевает самоуверенный Гнаша, который так уморительно не выговаривает букву «ф»...

НЕ ХОЧЕТ ЛИ автор этих заметок, спросит, возможно, читатель, подвести свои рассуждения к тому, что у Райкина, дескать, слабое окружение и что другие актеры труппы выглядят рядом с ним бледно и неинтересно? Отнюдь! Напротив, я считаю, что давно пора прекратить эти ненужные и обидные для коллектива театра разговоры (к ним снова почему-то вернулся на днях рецензент «Московского комсомольца» Ю. Смельков). Пора прекратить хотя бы уже потому, что не слишком много на свете артистов эстрады, которые бы ослепительно ярко и чрезвычайно интересно выглядели рядом с Райкиным. Да и, кроме того, как можно упрекать способных, горячо любящих свой театр артистов только потому, что им посчастливилось играть в одних спектаклях с очень крупным и очень оригинальным художником?

Речь идет о другом — о том, что Ленинградскому театру миниатюр и прежде всего самому Райкину необходимо более чутко и внимательно соизмерять ударную силу «райкинского» дарования, умело и точно направлять ее, за отдельным характером и портретом отчетливо видеть и слышать звучание всей миниатюры, всего спектакля в целом.

Да, и всего спектакля! Не спорю, может быть, в ином месте программы или в другом представлении вполне уместно прозвучали бы, например, остро сатирические монологи «Животные о людях», которые Райкин читает «под занавес». Может быть... Но, ей богу же, неприятно уходить с представления и, как последнее впечатление от встречи с актером, уносить его мастерски сделанные рассказы о заячьей трусости и волчьей злости. Тем более что спектакль и без того несколько перегружен «негативными сентенциями», которые по разным поводам на протяжении всего вечера произносит многоликий Попугаев.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли: блестящему сатирику Аркадию Райкину вовсе не следует приглушать язвительную силу своих ударов по всему косному и отжившему, что тормозит наше движение вперед. Более того, гневное обличение приспособленцев, подхалимов, бюрократов, невежд — всех и всяческих попугаевых — всегда было, есть и пусть будет на яркой палитре художника. И смешно, нелепо в данном случае даже делать попытку предложить какую бы то ни было «дозирровку»: дескать, столько-то должно быть остро сатирических миниатюр и монологов, столько-то задумчиво лирических, столько-то добродушно юмористических...

Просто мне думается, что время умеет смеяться по-разному, Райкин — тоже... И мне, давнишнему поклоннику замечательного артиста, очень жаль, что в новом спектакле почти отсутствуют такие глубоко взволнованные лирические вещи, как, скажем, «Новеллы о любви». А ведь за них и «в них» мы тоже очень любим Райкина!

Правда, существует, говорят, непреложная заповедь рецензента, согласно которой нельзя критиковать спектакль по принципу — чего в нем нет... Но ведь это, кстати, и не рецензия. Просто мне хотелось высказать несколько соображений, поделиться некоторыми мыслями и сомнениями, которые родились в зрительном зале Эстрадного театра на спектакле «Время смеется».

Ник. КРИВЕНКО.

ОТ РЕДАКЦИИ: Суждения о спектакле Ленинградского театра миниатюр «Время смеется», разумеется, могут быть самые различные. И нет ничего удивительного в том, что писатель В. Ардов написал, а «Литературная Россия» в номере от 15 марта с. г. напечатала безоговорочно положительную рецензию под названием «Над чем смеется наше время».

Но вот что утверждает, в частности, В. Ардов:

«...для оценки новой работы Ленинградского театра миниатюр нужно прежде всего определить: какие конфликты и какие типы полагают здесь наибольшим злом наших дней?».

И сам же автор рецензии определяет: «Ответ может быть ТОЛЬКО ОДИН (здесь и далее подчеркнuto нами.—РЕД.): Райкин издевается и неоднократно выводит в данном спектакле (как выводил и в прежних постановках) ЛЮДИШЕК, СЛУЖИВШИХ ОПОРОЙ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ». И затем: «вторая постоянная мишень Райкина — это дураки».

Прежде всего — о «дураках». Не кажется ли В. Ардову, что такой объект для сатиры, пожалуй, не самый подходящий, если под «дураками» разуметь людей с ограниченными умственными способностями? Иное дело — глупость, идущая от невежества, от самонадеянности, от желания прислушиваться к людям... Над глупостью такого рода смеяться не грешно, над глупым человеком — антигуманно.

Главное, Впрочем, не в этом. Неужели В. Ардов всерьез полагает, что «наибольшим злом наших дней» являются для Райкина и его театра «людишки» (словечко-то чего стоит!), «служившие опорой культа личности»?

Такая похвала, если в нее вдуматься, звучит как клевета на талантливого актера.

Да и к тому же, правомерно ли адресовать всю сегодняшнюю сатиру к обличению ТОЛЬКО явленного, связанных с культом личности? А ведь именно такая рекомендация и содержится в рецензии В. Ардова.